

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.26>

Здриковская Татьяна Александровна

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭГОИЗМА В ТЕКСТАХ НЕСПЕЦИАЛЬНОЙ КНИЖНОСТИ (ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются основные смысловые признаки концепта ЭГОИЗМ, выявленные методом контекстуального анализа высказываний об эгоизме/эгоисте, а также методом количественных подсчетов; устанавливаются корреляции с социальными (профессия, пол, статус в браке) и индивидуальными (черты характера, психические особенности, масштаб таланта) признаками. В результате исследования сделан вывод об оценочной доминанте в структуре концепта; показано, что репрезентанты концепта ЭГОИСТ/ЭГОИЗМ не имеют чётких дескриптивных признаков. Отмечена амбивалентность знака оценки на периферии концепта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 2. С. 334-339. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Трудности перевода с испанского языка на русский. М.: Высшая школа, 2004. 109 с.
2. Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка: морфология и синтаксис частей речи. М.: Высшая школа, 1972. 340 с.
3. Виноградов В. С. Грамматика испанского языка. М.: Университет, 2001. 430 с.
4. Гарсиа Маркес Г. Сто лет одиночества. М.: Эксмо, 2006. 816 с.
5. Гарсиа Маркес Г. Сто лет одиночества / на исп. яз. М.: Менеджер, 2003. 368 с.
6. Голубева Е. Г. Описательная конструкция *ir* с инфинитивом в испанском языке // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1966. № 328. С. 48-51.
7. Жданова А. В. К вопросу о способах воссоздания стихотворной формы пьесы Лопе де Веги «Валенсианская вдова» в переводе М. Л. Лозинского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65). Ч. 2. С. 73-75.
8. Жданова А. В. Стилистические особенности употребления фразеологизмов с концептом «Gato» в испанском языке // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2017. № 1. С. 119-123.
9. Roca Pons J. Introducción a la gramática. 2 tomos. La Habana: Edición revolucionaria, 1966. Т. 2. 239 p.

**PECULIARITIES OF THE VERBAL ASPECT CATEGORY FUNCTIONING
IN GABRIEL GARCÍA MÁRQUEZ'S NOVEL "ONE HUNDRED YEARS OF SOLITUDE"
(BY THE MATERIAL OF THE TRANSLATION BY N. BUTYRINA AND V. STOLBOV)**

Zhdanova Anna Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow
ajdanova1@rambler.ru

The article deals with the peculiarities of the verbal aspect category functioning in the translation of the work of the Columbian writer Gabriel García Márquez "One Hundred Years of Solitude" made by N. Butyrina and V. Stolbov. In the original, tense forms and verbal phrases interact with the context and the lexical meaning of the verbs representing this or that aspectual nuance. In the Russian translation, it is not always possible to find direct correspondences, because the aspectual characteristic of the Spanish verb is closely related to the category of tense and is expressed by tense forms and verbal phrases, and not by the verb itself, as it is in Russian.

Key words and phrases: category of aspect; aspectual meanings; verbal constructions; periphrases; gerund; infinitive; participle; perfective aspect; imperfective aspect; translation.

УДК 81.22

Дата поступления рукописи: 07.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-9-2.26>

В статье рассматриваются основные смысловые признаки концепта ЭГОИЗМ, выявленные методом контекстуального анализа высказываний об эгоизме/эгоисте, а также методом количественных подсчетов; устанавливаются корреляции с социальными (профессия, пол, статус в браке) и индивидуальными (черты характера, психические особенности, масштаб таланта) признаками. В результате исследования сделан вывод об оценочной доминанте в структуре концепта; показано, что репрезентанты концепта ЭГОИСТ/ЭГОИЗМ не имеют чётких дескриптивных признаков. Отмечена амбивалентность знака оценки на периферии концепта.

Ключевые слова и фразы: понятие; концепт; эгоизм/эгоист; высказывание; контекстуальный анализ; смысловые признаки.

Здрикковская Татьяна Александровна

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
zdrikovskaya@mail.ru

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭГОИЗМА В ТЕКСТАХ НЕСПЕЦИАЛЬНОЙ КНИЖНОСТИ
(ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)**

В последнее время в исследованиях разных ученых замечаются всё новые точки сближения научной и ненаучной картин мира [1; 16]. Понятие *эгоизм*, так же, как его антагонист – понятие *альтруизм*, входит в терминологические системы биологии, социологии, психологии [8; 15; 18], а также философской этики [4; 12; 19], которая теснее, чем другие науки, взаимодействует с обыденными представлениями о мире – обыденной философией. Хотя оппозиция *эгоизм* – *альтруизм* изучается уже более двух веков, до сих пор не выработано универсального научного взгляда ни на отдельные её компоненты, ни на неё в целом. С учётом огромного разнообразия этических концепций эгоизма и альтруизма целесообразно исходить из некой универсалии, которая представлена в философских энциклопедических словарях на разных языках [2; 20; 21]. Будучи отражением современного научного взгляда на эту оппозицию, энциклопедии противопоставляют входящие в неё понятия под углом зрения *свой* – *чужой*. Дефинитивный анализ определений в вышеуказанных источниках

выявляет присутствие в них таких универсальных для научного знания компонентов, как *личный интерес – бескорыстие, зло – добро, безнравственно – нравственно, жизнь для себя – жертвенность*. В некоторых энциклопедических статьях подчеркивается нерешённость проблемы жертвенности (теоретически не решено, стоит ли жертвовать собой ради любого другого человека, в том числе преступника, обидчика и т.д.) [3].

Актуальность темы обусловлена интересом современной лингвистики к разным граням взаимодействия научных понятий и концептов обыденного сознания. Как этическая категория эгоизм осмыслен в различных философских концепциях и представлен в энциклопедических словарях, однако ненаучное представление о нём (концепт) остается неотрефлексированным. Нерешенной задачей остается вопрос о способах интериоризации универсального научного знания конкретными этносоциумами. В данной статье предпринята попытка определить современное содержание концепта ЭГОИЗМ в языковом сознании носителей русской лингвокультуры. Цель исследования – выявить ключевые смыслы концепта ЭГОИЗМ, заданные его объективацией в художественных и публицистических текстах XX-XXI вв. Для этого были отобраны описания эгоиста и эгоизма и систематизированы в группы «атрибуты», «номинации» и «предикаты».

Исследование выполнено на материале «Национального корпуса русского языка» [11], который отличается представленностью текстов «пропорционально их доле в языке соответствующего периода» [Там же]. Для реконструкции смыслового наполнения концепта ЭГОИЗМ были проанализированы включения в основной корпус данного источника лексической единицы «эгоист». Ограничение материала высказываниями о «персонифицированном эгоизме» было сделано сознательно. Во-первых, ранее экспериментальным путем мы выяснили, что ассоциативные поля стимулов «эгоист» и «эгоизм» практически совпадают по составу смысловых признаков [7]. Во-вторых, для ненаучной (наивной) картины мира актуальнее не абстрактные этические категории, а конкретные жизненные ситуации, которые с ними соотносятся [13], поэтому в ходе исследования интересно было акцентировать вопрос о проявлениях эгоизма в человеке и об оценке последнего в коллективном сознании. Методом сплошной выборки из всех включений отобраны художественные и публицистические тексты, объединяемые понятием неспециальной книжности [9]. С одной стороны, в авторских высказываниях находят отражение общекультурные составляющие концепта, а с другой – художественная литература и публицистика сами оказывают значительное влияние на смысловое наполнение концепта в сознании социума. В художественных и публицистических текстах лучше всего прослеживаются попытки ответить на вопросы, связанные с духовной жизнью индивида и общества, развитием морали, непреходящими ценностями человечества. Материал также был ограничен хронологически текстами XX-XXI вв. Для исследования взяты 500 включений с контекстами.

Методом контекстуального анализа отобраны и систематизированы компоненты, составившие структурную схему (*эгоист*) – *какой? – кто он еще? – что он делает? / в каком состоянии находится?* В данном случае мы следовали языку описания, предложенному в конце прошлого века в работе З. Д. Поповой и Г. А. Волохиной [14] и развиваемому в других работах, например, Л. Б. Никитиной [12].

Эгоист – какой? (всего 105).

Анализ атрибутов эгоиста, выраженных главным образом именами прилагательными, позволил выделить среди них несколько групп. Назовем по убывающей сначала те, которые встретились в материале более одного раза:

– интенсификаторы: *в высшей степени / совершенный / с головы до ног / стопроцентный / большой / запредельный / тотальный / законченный / отъявленный / страшный / великий / величайший / ужасный / махровый / глубокий* [11] (всего в группе 26 употреблений);

– характеристики разных личностных качеств: *бесчувственный / равнодушный / холодный / черствый / сухой* (17); *жестокый / немилосердный / бессердечный / грубый* (7); *самовлюбленный, тщеславный, честолюбивый* (6); *проклятый / гадкий* (4); *лживый / завравшийся / двоедушный* (3); *благоразумный* (3), *утонченный* (2); *ленивый* (2) [Там же];

– показатели отношения к субъекту, названному словом «эгоист»: *невыносимый / несносный / невозможный* (4) [Там же];

– темпорально-качественные характеристики: *застарелый / закоренелый* (2) [Там же].

Очевидно, что наиболее частотны при слове «эгоист» интенсификаторы, то есть слова, которые «сами по себе не приписывают предмету или событию каких-либо качеств, но лишь усиливают, интенсифицируют качественные семы, содержащиеся в определяемом» [8, с. 342]. По существу, все члены наиболее частотной группы – показатели степени качества и выразители эмоциональной оценки (1-2).

(1) *Это слишком эгоистическое чувство. Только великий эгоист идет на самоубийство* (А. Клейн. Алхимическая формула Творца // Пятое измерение. 2003) [11];

(2) *Когда говорит, казалось, только и думает, что все его недооценивают, и потому всегда обижен. Тотальный эгоист и честолюбец* (Ю. Дружников. Суперженщина // Лебедь: интернет-альманах. 2003. 19 октября) [Там же].

В других группах прилагательные называют негативное качество, по определению взаимосвязанное с природой эгоизма (3):

(3) *Эгоист, эгоист! Бесчувственный эгоист! Ненавижу его!* (С. А. Семенов. Голод. 1920-1929) [Там же].

Кроме приведенной выше лексемы *бесчувственный* и её синонимов, это члены синонимического ряда *самовлюбленный*. Фиксируются также более или менее независимые от эгоизма негативные качества человека – *грубый, лживый*. Среди атрибутов эгоиста есть и такие, которые характеризуют не столько его,

сколько отношение к нему третьих лиц, их восприятие эгоиста, их оценку – *гадкий, невыносимый*. Наряду с негативными оценками, в повторяющихся контекстах эгоист получает положительные характеристики (*благоразумный*) или амбивалентные (*утонченный*).

Остальные атрибуты, встретившиеся в материале однократно, не меняют положения дел, которое было показано выше. Они называют ещё ряд качеств эгоиста, как правило, негативных: *выживший из ума / глупый, дешёвый, злобный, непочтительный, нетерпеливый, невежественный, грешный, мрачный, бессовестный, подлый, странный, раздражительный, сознательный, избалованный, ревнивый, беспринципный, жуткий, невозможный, безнадежный, паршивый, маленький, расчётливый, замкнутый/одинокий, неблагодарный, дерьмовый*. В единичных случаях дается амбивалентная, парадоксальная оценка (*сентиментальный, правильный, красивый*).

Как известно, предназначение адекативно-субстантивного словосочетания – дать более точную номинацию объекту, чем это делает существительное. Однако приведенные примеры говорят о преобладании в подобных словосочетаниях эмоционально-оценочных смыслов над дескриптивными. Большинство прилагательных не уточняют значение существительного, а усиливают заключённую в нем оценку.

Эгоист – кто он еще? (всего 65).

Попытки носителей русского языка конкретизировать признаки эгоиста выражаются также в том, что, наряду с номинацией «эгоист», в высказывании употребляется ещё один субстантив со значением характеристики лица. Вторые (иногда третьи и следующие) характеристики достаточно слабо упорядочены и не всегда четко определены. Далее они также приведены по убыванию частотности:

- индивидуальные характеристики личности: *индивидуалист* (3) / *себялюбец* (2); *трус* (3); *деспот / тиран* (2); *дармоед* (2); *безумец* (2); *атеист, корыстолюбец, интроверт, варвар, сволочь, вор, циник, лицемер, гордец, нигилист, дурак, эстет* (+), а по словам Гоголя, «эгоист – не дурное свойство» [Там же];
- семейный статус, пол: *единственный сын / один ребенок* (4), *старик* (3), *холостяк* (2), *отец* (2), *сын, мать, мужик* [Там же];
- социальный статус и профессия: *носитель власти, актер / артист, художник, деятель, великий футболист* [Там же];
- имя собственное: *Эйзенштейн, Печорин, Иван Карамазов и его сын, Стива Облонский, Дон Кихот, Бирон, Неручев, Тамарин, Чацкий, Герман* [Там же];
- национальность: *янки, японец, китаец* [Там же].

Как промежуточные результаты концептуализации отметим несколько интересных моментов.

Во-первых, доминируют оценочные контексты. Субстантивы с оценочными характеристиками пересекаются с аналогичными по смыслу прилагательными (*жестокый – деспот, тиран; выживший из ума / глупый – дурак; утонченный – эстет* и др.). Здесь, так же, как в адекативных формах, называется человеческое качество со знаком минус (часто) или плюс (крайне редко).

Оценочный контекст присутствует в большинстве фрагментов художественных текстов, где он приобретает дополнительные характеристики. Эта оценка носит эмоциональный характер без уточнения дескриптивных признаков эгоиста (4):

(4) *«Пожили бы с ним под одной крышей, вы бы узнали чудесного Коленку: деспот, псих, а эгоист такой, какого свет не видел»* (В. Гроссман. Все течет) [Там же].

В данном контексте «эгоист» стоит в ряду отрицательных характеристик поведения человека, и говорящий, осознавая негативный характер такой оценки, включает ее в ряд отрицательных наименований для усиления эффекта эмоционального воздействия на собеседника. Тот факт, что слово «эгоист» стоит в цепочке характеристик последним, может свидетельствовать о том, что в повседневном общении русский человек прибегает к наименованию «эгоист», чтобы дать самую негативную оценку чьим-либо поступкам.

Во-вторых, значительная группа существительных, выражая самую общую моральную оценку, не имеет конкретных дескриптивных признаков (*гад, сволочь, изверг*), что сближает её с прилагательными-интенсификаторами (5-6):

(5) *– Ты – эгоист, ты – изверг, ты – не мужчина!* (Э. Рязанов. Эмиль Брагинский. Тихие омуты. 1998) [Там же].

(6) *Можно сказать, что всякий рефлектирующий подлец или эгоист существует именно этой идеей* (Д. Самойлов. Общий дневник. 1977-1989) [Там же].

В-третьих, эгоист получает некоторые характеристики социального типа. В материале отражены неоднозначные с оценочной точки зрения (оценочно амбивалентные) характеристики. В одном контексте со словом «эгоист» используются слова *одиночка, холостяк, дети, мужчина, единственный сын, старик, трудоголик*. Это мужчина, который хочет жить один (7-8). Он много и увлечённо работает (9-10). Его профессия требует самоуглубления, творчества; он достиг высот в своем деле, потому что он талантливый человек (11-14), известный актер и т.д.

(7) *Холостяк по убеждению. Считает такой формат отношений выгодным. Не хочет брать на себя ответственность. Эгоист* (Л. Павленко, С. Хрусталева. Мы гадали так и сяк, что за птица холостяк // Комсомольская правда. 2006. 22 июля) [Там же].

(8) *Валера честно объяснял Наташе, что жениться он никогда больше не собираются. Что привык жить один. Что эгоист, ценит свою свободу* (А. Слаповский. Большая книга перемен. 2010) [Там же].

(9) *Я пока еще очень большой эгоист. У меня на первом месте работа, а потом уже все остальное. И я все еще не могу устоять перед женской красотой* (Известия. 2006. 6 марта) [Там же].

(10) *Это такой эгоист, до того в свою работу влюблен, просто ужас* (И. Грекова. На испытаниях) [Там же].

(11) *Помимо того, что Сольнес удивительно даровит, он еще и страшный эгоист, как и многие талантливые люди* (С. Прокопчук. Николай Амосов: против секса я никогда не выступал // Труд-7. 2002. 28 марта) [Там же].

(12) *Но в том-то и дело, что когда человек достигает высшей степени концентрации, то даже умирающие дети, которым можно помочь, – это шум. Любой человек, достигший определенного уровня концентрации, – эгоист. Хотя бы потому, что собственные усилия, предпринятые для того, чтобы открыть, например, закон всемирного тяготения или написать «Капитал», он мог бы потратить на заботу о больных детях, на воспитание своих, на помощь старушкам и защиту угнетенных. Но не потратил. А раз так, то какая разница, что именно не потрачено: год жизни или миллион долларов?* (Соколов-Митрич Д. Занимательная перельманья // Известия. 2010. 2 апреля) [Там же].

(13) *Все мужчины такие эгоистичные! Даже Клинт Иствуд – величайший талант. И величайший эгоист. Хотя без этого гигантского эго они просто не стали бы теми звездами, которыми стали* (Ю. Шигарева. Фотопровокатор // Аргументы и факты. 2001. 4 апреля) [Там же].

(14) *Я о себе могу сказать: я эгоист, артист* (К. Метелица, В. Гнеушев. Красиво умереть не запретишь // Столица. 1997. 13 мая) [Там же].

Эгоист – что делает / в каком находится состоянии? (всего 35).

Данная группа контекстов включает глагольные и адекватные номинации, занимающие в предложении, характеризующем эгоиста, позицию предиката. Они описывают характерные для эгоиста действия и состояния. Как и ожидалось, эгоист *живет для себя* (3), *не любит* (2), *думает только о себе* (2), *никого не любит, кроме себя* (2). Однако данные ядерные характеристики эгоиста сопровождаются большим количеством «оттенков» эгоистических проявлений. Предикаты выражают:

– эмоциональное состояние и эмоциональное отношение: *сердится, злобится, не знает любви и нежности, имеет черствое сердце, не имеет жалости* – но и *преисполнен любви, счастлив*;

– морально-психологические свойства: *не уважает людей, равнодушен к нужде близких, нечист совестью, о других не думает, всех подозревает, не любит общества* – но и *свободен*;

– поведенческие характеристики в отношениях с другим человеком и с коллективом: *стесняет свободу, игнорирует интересы других, наделал зла, избавляется от скуки, бежит общественных дел, только за свое трясется, забывает о коллективе, частные интересы ставлю выше всех прочих, хочет приличное место / ищет тепленькое местечко, говорит неправду, не хочет хлопотать* и др. [Там же]. Как результат отношения к себе и другим – социальное состояние *богат*.

Действия и состояния эгоиста отражены в Примерах (15-17):

(15) *Возможно, это и спасет страну, но я эгоист, и свои частные интересы ставлю выше всех прочих* (А. Коц. Теперь вкладки «МММ» стоят в очереди на прием к следователю // Комсомольская правда. 2003. 5 февраля) [Там же].

(16) *Он эгоист, ему абсолютно наплевать на все, что не касается его лично* (Ч. Абдуллаев. Мистерия эпохи заката. 2007) [Там же].

(17) *Эгоист, который чувствует себя центром Вселенной. Он не хочет есть вместе со всеми и решил готовить себе отдельно, – рассказывает Аркаша о Задорожном. – Лицемер, который мне говорит о любви к ближнему. Когда же у нас оставалось всего два яйца на всех, он втихаря съел их ночью, – негодует Митя* (О. Фомина. На «Большом Брате» дерутся из-за музыки // Комсомольская правда. 2005. 13 июня) [Там же].

В части контекстов (их оказалось более 40) отсутствовали репрезентанты проанализированных семантико-синтаксических позиций *какой? – кто он еще? – что он делает / в каком состоянии находится?* Объект речи в них наделялся характеристикой «эгоист» без уточнения оснований, по которым эта характеристика может быть присвоена (см. Пример 18).

(18) *По подписи можно определить – эгоист человек или нет* (Н. Богданов. «С природою одною он жизнию дышал...» // Знание – сила. 2010) [Там же].

Анализ всего проанализированного материала показал, что только в половине случаев контекст уточняет характеристики эгоиста (через указание на поведение, социальные роли и т.д.); в другой половине конкретизация отсутствует. Последнее происходит, если используются интенсификаторы, или называются ядерные смысловые признаки концепта, или слово употребляется в составе случайных для него фреймов, как в Примере (18).

Таким образом, в проанализированных координатах описания эгоист получает эмоциональную оценку (чаще негативную, но не всегда), предстает как носитель комплекса качеств (чаще вызывающих неприятие, но не во всех случаях), как устойчивый социальный тип (мужчина, холостяк, трудоголик, талантливый человек). Ядерными смысловыми признаками концепта являются «он плохой (безнравственный)», «живет для себя», «не думает о других». На периферии появляются признаки «он не такой, как все», «много работает» и др. Неоднозначность оценочных смыслов особенно заметна в контекстах, где «эгоист» оказывалось самопрезентацией (19-22):

(19) *Получал я гонорар на почте. Помню, какой прилив счастья и гордости испытал, увидев свою фамилию в списке. Я был чрезвычайно рад тому, что сам заработал эти первые деньги. И сам, кстати, как последний эгоист, их потратил – пошел в булочную и купил всяких сладостей* (Валерий Гаркалин, бывший радиоактер // Труд-7. 2009. 14 апреля) [Там же].

(20) – *Признайся, ты очень любишь себя? – Да, я эгоист. Но только тогда, когда иду к конкретной цели. К соревнованиям готовлюсь, например. Для меня в таких ситуациях вообще ничего и никого, кроме этого интереса, не существует* (Д. Носов. Уйду после того, как выиграю Олимпиаду // Советский спорт. 2005. 25 ноября) [Там же].

(21) *Когда вижу знакомого – первое желание перейти улицу, спрятаться, убежать. На дни рождения и другие праздники не хожу, исключения делаю лишь для научных конференций. Это не значит, что я мизантроп, самовлюбленный эгоист. Люблю людей, очень дорожу своими близкими, стараюсь им помогать. Но мне трудно с ними общаться. В юности я страдал из-за этого, но позже понял: такова моя особенность, не стоит ее драматизировать* (Н. Лескова. Люди дождя // Труд-7. 2004. 16 декабря) [Там же].

(22) *Вы не поверите, но я даже не знаю, на каких условиях в Бишкеке пройдет этот концерт. Для меня главное условие – это любовь публики, лучший гонорар – аплодисменты. Хочу завоевать признание новых слушателей. По этой части я большой эгоист. Чем больше людей полюбят мои произведения, тем я буду чувствовать себя счастливее* (О. Финькова. Евгений Дога: «Главное условие – это любовь зрителей. Лучший гонорар – их аплодисменты» // Комсомольская правда. 2009. 6 марта) [Там же].

Как видим, самооценка при помощи лексемы «эгоист» для русского человека характерна, однако она, как правило, стоит в ряду других, весьма разнообразных характеристик и себя, и ситуации, и в результате трансформируется в нейтральную и даже положительную. Контексты могут быть весьма эмоциональными, но при этом несерьезными, игровыми (19). В «серьезных» контекстах, как в Примерах (20–22), характеристика уточняется, сопровождается объяснением и в итоге «отменяется». Говорящий о себе не раскрывает действительно эгоистические аспекты личности – он лишь подчеркивает неоднозначность ситуации, в которой дается эта характеристика. Не только по отношению к себе, как в Примере (20), но и по отношению к другим встречается оценочная характеристика эгоизма в человеке как временного состояния, вызванного определенными жизненными обстоятельствами.

Резюмируя наблюдения над контекстами употребления лексемы «эгоист» в художественных и публицистических текстах XX–XXI вв., можно сделать следующие выводы о смысловой организации концепта. Высокочастотные атрибутивные характеристики личности, обозначенной словом «эгоист», выражают его негативную оценку, но не уточняют сущностные признаки эгоизма. Большое разнообразие синонимичных определений, с одной стороны, свидетельствует о попытках субъектов речи освоить эту сложную этическую категорию, соотнести эгоизм с иными качествами человека, а с другой – указывает на незавершенность процесса интериоризации книжного понятия, каким изначально является эгоизм. Субстантивные характеристики в значительной части дублируют эту информацию, но дополняют её социальным портретированием эгоиста, указывая на его пол, статус в семье, профессию, талант. Наиболее частотные предикаты не добавляют нового к ядерным характеристикам эгоиста; низкочастотные, напротив, усложняют его портрет благодаря вовлечению эгоиста в разнообразные оправдывающие его ситуации. Последнее особенно заметно в контекстах, когда «эгоист» является автохарактеристикой. Амбивалентные оценки представляет эгоизм в виде «пестрого ковра с вкраплениями противоречий». По-видимому, функционирование концепта пока не приводит к его существенному развитию. В этом смысле «эгоизм» повторяет путь многих этических категорий обыденного сознания, которым свойственны субъективность и неопределенность.

Список источников

1. **Алефиренко Н. Ф.** Научное и обыденное в языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 11–14.
2. **Альтруизм** [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/1816306> (дата обращения: 20.06.2018).
3. **Альтруизм** [Электронный ресурс] // Этика: энциклопедический словарь. URL: https://iphras.ru/enc_eth/75.html (дата обращения: 20.06.2018).
4. **Виндельбанд В.** История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2-х т. / пер. под ред. А. И. Введенского. Изд-е 3-е. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. Т. 1. От Возрождения до Канта. 479 с.
5. **Вольф Е. М.** Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1978. 200 с.
6. **Гидлевский А. В.** Природные основания витального и танатального в человеческом бытии: дисс. ... д. филос. н. Омск, 2005. 354 с.
7. **Здрикoвская Т. А.** Образ эгоиста и альтруиста в русском языковом сознании // Язык. Культура. Образование: материалы Второй всероссийской очно-заочной научно-практической конференции (г. Омск, 25–26 октября 2012 г.). Омск: Изд-во ИП Макшеевой Е. А., 2012. С. 109–113.
8. **Ивз Л., Хит Э., Мартин Н., Майес Х., Нил М., Кендлер К., Кирк К., Кори Л.** Сравнение биологического и культурного наследования личности и социальных установок в проекте изучения близнецов и их родственников «Виргиния 30000» // Психогенетика: хрестоматия: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности психологии / авт.-сост. М. В. Алфимова, И. В. Равич-Щербо. М.: Академия, 2006. С. 338–381.
9. **Костомаров В. Г.** Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
10. **Лаверычева И. Г.** Философские и естественнонаучные основания теории эгоизма и альтруизма: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2009. 222 с.
11. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 20.06.2018).
12. **Никитина Л. Б.** Образ-концепт “*homo sapiens*” в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: дисс. ... д. филол. н. Омск, 2006. 380 с.

13. Орлова Н. В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка): монография. Омск: Вариант-Омск, 2005. 266 с.
14. Попова З. Д., Волохина Г. А. Синтаксические концепты простого русского предложения. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1999. 57 с.
15. Субботский Е. В. Исследования проблем взаимопомощи и альтруизма в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1977. № 1. С. 164-174.
16. Чуксина О. В. Взаимодействие языковой и научной картины мира // Язык и межкультурная коммуникация: сб. ст. / сост. О. Б. Смирнова. Астрахань: Астраханский университет, 2007. С. 208-210.
17. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. 288 с.
18. Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма // Новый мир. 1961. № 10. С. 93-214.
19. Якобс В. Происхождение зла и человеческая свобода или трансцендентальная философия и метафизика // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 102-110.
20. Egoism [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/egoism/> (дата обращения: 20.06.2018).
21. Encyclopédie de Diderot [Электронный ресурс]. URL: <http://encyclopédie.eu/index.php/morale/767060152-EGOISME> (дата обращения: 20.06.2018).
22. Handbook of human intelligence / ed. by R. J. Sternberg. Cambridge – L. – N. Y.: Cambridge University Press, 1982. 828 p.

CONCEPTUALIZATION OF EGOISM CONCEPT IN NON-SPECIAL LITERATURE (ACCORDING TO THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS DATA)

Zdrikovskaya Tat'yana Aleksandrovna

Dostoevsky Omsk State University

zdrikovskaya@mail.ru

The article examines the basic semantic features of the EGOISM concept identified by the contextual analysis of statements about egoism/egoist and by the quantitative calculation method; the author reveals the correlations with social (profession, gender, marital status) and individual (traits of character, psychical peculiarities, scale of talent) features. The findings lead to the conclusion about the evaluative dominant in the concept structure; it is shown that the representants of the EGOIST/EGOISM concept have no clear descriptive features. The ambivalence of the evaluation marker at the periphery of the concept is emphasized.

Key words and phrases: notion; concept; egoism/egoist; statement; contextual analysis; semantic features.

УДК 811.112.2

Дата поступления рукописи: 19.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.27>

Статья посвящена изучению одного из наиболее важных лексических пластов в современном немецком молодёжном сленге. Проводится анализ семантических трансформаций и словообразовательных процессов, сопровождающих образование сленговых обозначений лиц женского пола. Отмечается особая роль метафоризации и словосложения, а также активность суффиксального словопроизводства в создании жаргонизмов. Обращается внимание на обусловленность выбора мотивационных признаков, составляющих основу наименований, а также высокой экспрессивности и оценочного характера обозначений лиц женского пола с доминированием пейоративности гендерными стереотипами создателей и основных носителей сленга.

Ключевые слова и фразы: современный немецкий молодёжный жаргон; наименования лиц женского пола; метафоризация; словосложение; экспрессивность; оценочность; гендерные стереотипы.

Искарнинова Светлана Ивановна, к. филол. н., доцент

Оренбургский государственный педагогический университет

iskarinova_si@mail.ru

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ МОЛОДЁЖНОМ ЖАРГОНЕ

Основным объектом исследования множества наук является человек, он одновременно является и субъектом, и объектом научного познания. Изучение наименований человека в различных его ипостасях на материале разных языков представляет особый интерес для лингвистов [1; 2; 8; 9]. Актуальность настоящего исследования определяется принадлежностью наименований лиц к наиболее важной, активно функционирующей и наиболее изменчивой лексике языка.

Значительную часть лексики, обозначающей человека, составляют лексические единицы, позволяющие не только именовать, но и характеризовать, оценивать, выражать своё отношение к лицу, являющемуся объектом номинации. Данное функциональное свойство является фактором, обуславливающим разнообразие наименований человека в лексиконе представителей различных возрастных и социальных групп. Каждая из этих групп находит свои специфические средства, способы номинации лиц.